

IV Очередной Всероссийский социологический конгресс

Социология и общество:
глобальные вызовы и региональное развитие

18

Секция 18

Социология права

Курганская В. Д., Алматы

Ценностно-правовые ориентации постсоветского социума: специфика России и Казахстана

Аннотация

На основании методологии компаративистского анализа исследуется динамика правовых представлений, типичных для евразийского типа цивилизационного развития и структуры правосознания, содержащиеся в системе позитивного права России и Казахстана.

Ключевые слова: правосознание, позитивное право, ценности, традиционная культура

Современная эпоха предоставляет человеку поистине неограниченные возможности выбора культурно-цивилизационных моделей личностного самоопределения. Вместе с тем в работах современных философов и психологов, социологов и культурологов все настойчивее звучит тема универсальности кризиса мировоззренческой идентичности личности в современном мире.

Надежное и стабильное развитие общества предполагает устойчивость основных структур его жизнедеятельности, законосообразное поведение его членов, согласие относительно основных ценностей и норм общежития. Утверждение принципиального плюрализма социостилей, образов жизни, ценностей, религиозных верований и мировоззренческих убеждений становится не только структурой глобального рынка культурных парадигм, но и принципом отношения к ним индивида. Либеральная идеология, лежащая в основе концепций открытого общества, вообще снимает вопрос об экзистенциальной подлинности или ложности способов интегрированности человека в социумные структуры ролей и статусов, заменяя их критериями функциональности и эффективности. Ситуация тотального самоотчуждения личности от онтологических оснований собственного бытия воспроизводится и в правовом сознании, и в современной философии права, в способах ее самоопределения, в том числе и по отношению к классической традиции философски-правового мышления.

В работах по философско-правовой проблематике значительная роль традиционно отводится культурно-историческим и сравнительным исследованиям. Как правило, доктринально-теоретическое понимание

права в сословно-централизованных государствах средневекового мира и восточных теократиях рассматривается с сугубо критических позиций. Клерикально-теоцентристское правосознание противопоставляется правовым представлениям Нового времени, для которых законодательство есть не столько способ внешне принудительной регламентации поведения в соответствии с содержательно определенными нормами, сколько социальная форма допуска свободного самоопределения индивида. Но в культурологических исследованиях существуют и иные, зеркально инвертированные парадигмы. В последнее время расхожим стало противопоставление созерцательности восточной философии, обращенной к личности, сознанию, духовной сфере человека, и активизма западной метафизики с ее ориентацией на рациональные структуры мысли. Более того. Все прочнее становятся позиции авторов, защищающих духовность и гуманизм мировоззрения, присущего традиционной культуре и религиозной вере, от обезчеловечивающих и бездуховных форм разумности, присущих профессиональной философии и науке как таковым. Соответственно, тотальному подозрению подвергается и вся юридически-правовая традиция, определившая развитие западной цивилизации

Проблема морально-правовой легитимности действий частных лиц, социальных групп и властных институтов в социумах транзитного типа не может рассматриваться исключительно с позиций нововременного понимания онтологии социальности и, следовательно, в абстракции от нормативно-ценностных иерархий традиционной культуры. В условиях радикального преобразования унаследованных от тоталитарной системы форм и оснований социальных взаимодействий значение гуманистических норм традиционной культуры, — в том числе и морально-правовых представлений — резко возрастает. Кроме того, следует учитывать, что правосознание казахстанцев формируется в поликультурной и мультиэтнической среде. Таким образом, исследование культурно-исторической динамики изменения правовых представлений, типичных для евразийского типа культурно-цивилизационного развития, должно проводиться в контексте диалектики взаимодействия традиционного и строго юридического типа правосознания и на основе принципов мультикультурализма (диалога политико-правовых культур).

Для воссоздания структуры этого диалога может быть использована методология компаративистского анализа, в том числе идея, предложенная А. В. Смирновым: процедура формирования смысла высказываний в той или иной системе культуры во многих аспектах автономна по отношению к их содержательным определениям [6, с. 167-169]. Сравнение этих процедур в различных системах становится способом их исследования, при котором многие содержательные различия могут быть объяснены через различия процедур формирования смысла, причем описание процедур может производиться на ином языке, нежели описание содержания, т. е. на уровне метаязыка. На наш взгляд, этот подход может быть применен с особым успехом именно в сфере культурно-исторических исследований и сравнительного анализа систем нормативно-правовой регуляции. При

этом философско-правовая рефлексия направляется не столько на анализ собственно философских концепций, сколько на структуры правосознания, зафиксированные в системах позитивного права и процедурах формирования их норм.

В России принципы свободы и социальной справедливости реализовались на основе такого феномена, как земское самоуправление. Земская «философия малых дел» преодолевает дихотомию верноподданничества и оппозиционности, власти и народа, становясь формой согласия и конструктивного сотрудничества автономной и граждански компетентной личности с властью. В. В. Леонтович замечает: «Независимые, и тем не менее лояльные люди были в России во все времена, особенно в рядах высокой аристократии. Правда, они представляли собой все-таки исключение. Но в рамках земского самоуправления как раз этот тип человека становился все более привычным и встречался все более часто» [3, с. 534]. Тем самым правовое сознание преодолевало и столь значимый для российской истории императив оппозиционности интеллигентской идеологии, включающей в себя отвержение сотрудничества с властью и, как необходимое следствие этого, правовой нигилизм.

Земское самоуправление, при всей ограниченности административных форм его реализации, есть способ достижения дискурсивного консенсуса, поскольку предполагает и требует открытой свободной дискуссии о наилучшем решении региональных проблем. «В земском движении начинается формирование народного либерализма, который не просто откликается на цивилизаторскую инициативу монархии, но впервые запрашивает и опережает ее» [7, с. 138]. При этом правовое сознание, рождающееся на основе земского самоуправления, перерастает рамки либерального правосознания, вырастающего из абсолютизации свободы частного экономического интереса. Ведь земское самоуправление предполагает, что гражданин, преследуя свой частный интерес, вместе с тем должен и вправе составить собственное («неказенное») представление о благе страны. «Ответственный земский деятель не мог не требовать от государства правового обеспечения для своих самостоятельных, дискуссионно выверенных суждений относительно подлинного блага отечества» [7, с. 140]. Поэтому, как отмечает далее Э. Ю. Соловьев, не удивительно, что политико-юридический, гуманитарно-правовой дискурс доминирует в земской среде и отсюда переходит в сферу правительственных и парламентских дискуссий. Взаимодействие земского, думского и правительственного либерализма приводит к тому, что в России с 1907 г. разворачивается процесс практического утверждения конституционного строя демократически-правового государства. Развивается и соответствующая политико-правовая культура. Гражданское общество, вполне лояльное политической власти, принуждаемой этим обществом идти по пути конституционно-правового самоограничения, становится подлинным субъектом процесса социальных реформ, а «народный либерализм» вбирает в себя и органично сочетает принципы презумпции лояльности по отношению к власти и приоритетности права по отношению к позитивному закону.

При всеобщем согласии относительно радикальности смены типа цивилизационного развития человечества в современную эпоху понимание права остается в рамках классической парадигмы и ее незначительных вариаций. Необходимо радикальное изменение в самой сущности правосознания. В частности, правовой идеал свободы должен быть понят как норма стабильной и достойной жизни в справедливом обществе.

Соответственно фрагментации социальной и экономической жизни РК система позитивного права, построенная на принципах рационально организованной капиталистической экономики, является универсализацией локальных форм и сегментов, а демократия как процедурная (формальная) система реализации гражданских прав не увязывается с субстанциально-содержательными характеристиками демократии как системы реализации социальных прав. Но данная ситуация есть частный случай проявления общих, глобальных тенденций трансформации правового поля социальности. Проблема универсальных оснований развития правовой демократии в РК есть вместе с тем проблема актуализации универсалий правосознания в условиях общественного состояния несистемного типа и множественности конфликтующих рациональностей. На современной стадии развития цивилизации «важно конструирование локальных форм общества, в рамках которого гражданственность, интеллектуальная и моральная жизнь могли бы пережить века мрака, которые уже настигли нас» [4, с. 355].

Русский философ И. А. Ильин утверждал: каждый человек имеет правосознание, независимо от того, знает он об этом, или не знает. Такое естественное правосознание есть присущее каждому человеку непосредственное убеждение в существовании объективного и общеобязательного критерия различения справедливого и несправедливого. Но это интуитивное убеждение, во-первых, у большинства людей остается смутным, неуверенным и неосознанным. Во-вторых, объективность предметного содержания правосознания выступает в форме нормативных регуляций социального бытия, запретов, предписаний и дозволений, фиксированных в системах законов позитивного права. Но сами эти законодательные нормы могут быть определены констелляцией как раз внеправовых оснований и детерминаций: своекорыстных интересов, правом силы. Самоопределение сознания в этих гетерономных формах порождает слепое, корыстное, беспринципное и бессильное правосознание.

Таким образом, развитое, «соответствующее своему понятию» правосознание формируется в пространстве соответствия духовно, интеллектуально и эмоционально зрелого, гармоничного строя души предметно развернутому правопорядку как структурообразующему началу социальной онтологии, фиксированному в системе законов.

В среде отечественной гуманитарной интеллигенции стало хорошим тоном противопоставлять социумные, внешние детерминации поведения и сознания внутреннему пространству самоопределения духа, структура которого метанормативна, поскольку способом бытия духа является свобода. Между тем безотносительная духовная свобода дана лишь во внешних

формах общежития, а правовые формы являются внутренним содержанием личностного Ego. Если свобода тождественна произволу, то бунт во всякое мгновение является законностью. Датский философ Кьеркегор показывает, что абсолютное движение становления на деле совершается либо перед лицом неких объективных ценностей и смыслов как перспектив и ориентаций этого движения, либо в плоскости абсурда.

Ложность противопоставления «формального устройства общежития» и «внутреннего самостроительства личностного духа» состоит как в том, что оно на деле парализует начало личной автономии, личной духовной ответственности и дисциплины, так и в том, что в рамках этой дилеммы невозможен теоретический, философский, метафизический дискурс.

Генезис права раскрывается О. М. Фрейденберг следующим образом: «Вопреки тому, что о генезисе писали теоретики юриспруденции (о врожденности чувства нравственного начала, о психической или социальной природе права, о первоначальном слиянии права с этикой и религией, о генезисе права вместе с генезисом общества, о договоре как первой правовой форме), нужно сказать, что право, подобно всем другим видам идеологии, рождается из мировоззрения и зависит от состояния общественного сознания» [8, с. 153]. Структуры и процессы социально-исторического мира возникают из действий индивидов и их сообществ, а те, в свою очередь, опираются на господствующие или маргинальные картины мира. Поэтому социальные системы являются такими системами, знание о которых является частью их собственной динамики. Рефлексивная и бессознательная самоотнесенность социальных целостностей опредмечивается в содержании «коллективных представлений»: мифов, идей, традиций, верований, ценностей, мотиваций, религиозных картин мира и прочих феноменов общественного сознания. Люди реагируют не только на объективные черты ситуации, но и на тот смысл, какой они в нее вкладывают. И здесь для мировоззрения открывается широчайшее поле парадоксальных взаимоотражений и непостижимых взаимопереходов иллюзии и действительности, составляющих структуру представленности сознания себе самому.

В менталитете граждан СНГ отождествление преступности и девиантности-делинквентности превратилось чуть ли не в универсальную структуру правосознания. Социологи отмечают: французские школьники определяют преступление объективно, обезличенно, бесстрастно, только как нарушение закона. Ответы французских старшеклассников вообще не содержат морального осуждения преступления, квалифицируя их преимущественно в семантике ошибки, нарушения правил. «Русские подростки ставят непроходимую границу между преступным и их собственным миром, квалифицируя преступников как «ненормальных людей» или «бессовестных людей» [2, с. 38]. В рамках французской культуры политическая власть является объектом недоверия, выражающего противостояние индивида и власти. «Ответы русских, напротив, раскрывают широту власти, что вызывает тревогу, так как власть предстает вездесущей, всепроникающей» [2, с. 39]. Власть представляется через идею силы, влияния и контроля над индивидом.

В России, по выводам социологов, идея свободы в правовом смысле практически исчезает у 16-18-летних. Они требуют неограниченной личной свободы. Напротив, во Франции с возрастом респондентов увеличивается число ответов, в которых свобода ассоциируется с гражданскими правами и свободами. Идея равенства россиянами воспринимается, прежде всего, как экзистенциальная и моральная ценность, а не правовое понятие, как для французов. Таким образом, закон и юстиция воспринимаются в России как могущественные императивные и репрессивные социальные институты, в значительной степени противостоящие индивидуальным правам и свободам. У россиян образы равенства, справедливости, солидарности вытеснены из макросоциального мира и локализованы в сфере внеюридических межличностных отношений. Для французских респондентов ожидания и требования справедливости, равенства распределены между различными социальными институтами, а не сосредоточены исключительно в семье и круге непосредственного общения.

Таким образом, для российских респондентов характерны ориентация более на социально-психологические, чем на социально-политические отношения; личное, а не гражданское; чувства, а не действия; моральные, а не правовые ценности. «В мире, где отсутствуют более или менее надежные медиаторы между произволом власти и человеком в виде институтов права и социальной защиты, такая ориентация помогает выжить, обеспечивая относительную прочность межличностных связей» [2, с. 144-145].

Для Республики Казахстан как страны с ярко выраженным полиэтничным и мультикультурным составом населения проблема укрепления социальной стабильности неизбежно увязывается с задачей нахождения оптимальных форм политически-правового регулирования взаимодействия этнических общностей.

Политическая система Казахстана формируется в соответствии с рядом организационных моделей или программ, вопрос о возможной комплементарности или же принципиальной дивергентности которых не поддается однозначному решению. Можно констатировать развитие процесса формирования новых цивилизационных моделей, не уместящихся в рамки типологий, созданных в русле западной политологической теории. Казахстан как уникальный культурно-цивилизационный организм сохраняет свое отличие от западных и восточных миров, обладает не редуцируемой социокультурной спецификой, стратегиями, концептуально несовместимыми в рамках любой монистической схемы. Очевидно, что законотворческая деятельность должна проводиться с учетом национальных традиций; господствующей в обществе парадигмы правопонимания; общедемократических, гуманистических норм цивилизованного правопорядка.

На процессы стихийного формирования и управляемой сверху институционализации нормативно-правовых механизмов регуляции жизнедеятельности общества решающее влияние оказывает специфика организации политической власти. В Казахстане эта специфика во многом определена возрождением национальных традиций и их транспонирова-

нием в механизмы политического процесса. Поэтому, как справедливо отмечает известный ученый, академик НАН РК А. Н. Нысанбаев, «чтобы лучше понять характер власти в Казахстане, сначала необходимо изучить традиционную политическую культуру казахов, иерархию ценностей, политические традиции и их роли в жизни современного Казахстана» [5, с. 332].

Как для истории, так и для современного этапа развития казахской государственности характерна сложная картина синтезов и размежеваний архаически-этнократического и собственно политического принципов формирования властных структур. Феномен родоплеменной стратификации является одним из значимых социорегулятивных факторов, и сегодня играющих заметную роль в рекрутировании политической элиты. «Основной формой самоорганизации политического класса сейчас являются кланы, клиентелы и группы интересов» [1, с. 5]. В новых условиях в формировании институтов власти продолжают участвовать главные принципы социального структурирования казахского общества периода ханств (XV-XIX вв.): родо-племенное (жузовое) деление и разделение общества на две социальные группы, дифференцированные по своему политико-юридическому статусу: высшее социальное сословие чингизидов-султанов, саййидов и ходжей — ак-суйек («белая кость») и все остальные социальные группы и прослойки простолюдинов — кара-суйек («черная кость»).

Критерии и механизмы отбора правящей элиты по ряду позиций не претерпели принципиальных изменений и ее представители сегодня персонифицируют, индивидуализируют ту же самую раздвоенность политической власти: власти денационализованного класса потомственных политических профессионалов «белой кости» — султанов, и общинно-этнократической власти аристократии «черной кости» — биев.

Анализ особенностей правового сознания этносоциальных групп Казахстана, а также выработка практических рекомендаций по формированию и совершенствованию правового пространства Казахстана как стратегического направления государственного воздействия на процессы консолидации полиэтнического сообщества необходимо проводить с учетом этих реалий.

Библиографический список

1. Арын Е. М., Абен Е. М., Галямова Д. Р. и др. Реформирование структуры высших органов государственной власти в контексте модернизации политической системы Казахстана (1985-1998 гг.) // Евразийское сообщество, 1998, № 4 (24).
2. Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Образы права в России и Франции: Уч. пособие. — М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Леонтович В. В. История либерализма в России. — М., 1995.
4. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 384 с.

5. Нысанбаев А. Н. Философия взаимопонимания. – Алматы: Главная редакция «Казак энциклопедиясы», 2001.
6. Смирнов А. В. Соизмеримы ли основания рациональности в разных философских традициях? Сравнительное исследование зеноновских апорий и учений раннего калама // Сравнительная философия. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
7. Соловьев Э. Ю. Права человека в политическом опыте России (вклад и уроки XX столетия) // Реформаторские идеи в социальном развитии России. – М.: ИФРАН, 1998.
8. Фрейденберг О. М. Введение в теорию античного фольклора (лекции) // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978.